

решающем шаге» по утверждению «свободы» вольноотпущенников (с. 38).

Изучая внешние источники рабства, Г. Е. Лебедева прежде всего констатирует внимание законодателей IV в. к бегству рабов к варварам и большую значимость для IV—VI вв. войны как формы пополнения рабского контингента, нежели торговли. Затем большое внимание уделяется подчеркнутому еще раньше (с. 18) принципиальному вопросу об обращении военнопленных в коловов, так как именно законодательство дает для соответствующих суждений основной материал. Г. Е. Лебедева доказывает превращение пленных в IV в. исключительно в рабов. Скрупулезный анализ знаменитого закона 409 г., запрещающего продавать в рабство пленных скиров, приводит ее к выводу о влиянии на этот запрет мотивов не устойчивых, экономических и социальных, а временных, военно-политических, связанных с конкретной ситуацией на Балканах. Так конструируется принципиальный тезис: стремление балканских рабовладельцев сохранить рабство дополнило вторжения варваров при создании кризисной обстановки. Сохранилась устойчивая тенденция обращать в рабство пленных и в войнах VI в. (здесь Г. Е. Лебедева подтверждает выводы В. Велкова и З. В. Удальцовой). Эта тенденция охирала в внутреннюю потребность в рабах при Юстиниане. Другое дело, что, по мнению автора, для ее реализации сократились возможности. Впрочем, думается, тезис о возрастании в VI в. трудности получения рабов извне (с. 44) нуждается в дополнительной аргументации. Что касается коммерческого импорта рабов, то автором доказывается как нерегулярность его функционирования, так и стабильная заинтересованность в нем Византии вплоть до VI в. включительно.

Таким образом, весьма фундированным выглядит вывод, что место тех или иных источников рабства в IV—VI вв. было неоднозначным, но в целом вес внутренних источников возрос (в том числе и вес порабощения свободных граждан). По мнению Г. Е. Лебедевой, это были важные показатели «усиливающегося кризиса и упадка рабства, разложения рабовладельческих отношений» (с. 47).

Приводимый в монографии материал показывает рост для IV в. утраты рабов мелкими землевладельцами, хотя государство пыталось препятствовать этому через дефенсоров и запреты отбирать у крестьян рабов за долги. Можно согласиться, что сама многочисленность законов с упоминанием «рабовладельцев вообще» доказывает массовость рабовладения в Византии IV—V вв. среди различных социальных групп. Упадок же курИАльного рабовладения Г. Е. Лебедева относит к V в., а многочисленность законов о нем объясняет стремлением государства поддерживать курИАлов. Автор обращает внимание при характеристике курИАльного рабовладения на запреще-

ние курИАлам продавать за долги сельских рабов, записанных в ценз, и на позволение продавать других рабов, имеющих в имениях, городских рабов-слуг, рабов-ремесленников. Малочисленность законов о рабах крупных землевладельцев Г. Е. Лебедева объясняет мощью последних, избавляющей их от многих конфликтов. Законы эти оказываются специфичны: они в основном регулируют характер отношений (крупный землевладелец — мелкий или средний землевладелец — государство), а не права собственности. Очень важно наблюдение о широком использовании магнатами рабов как земледельцев, а также превосходный анализ законоположений, запрещающих магнатам стон с земли коловов-аборигенов (с очевидной заменой последних рабами). Представленный материал показывает использование в частном ремесле рабов-ремесленников (при разделении их на сельских и городских), причем законы четко выявляют наличие таких рабов у разных категорий горожан (апелляция законодателя *ad populum*). Выявлена категория состоятельных плетеев-рабовладельцев, а также рабовладение торгово-ремесленных групп вообще.

Очень важно проведенное Г. Е. Лебедевой исследование эволюции категорий рабов, принадлежавших городской общине. По формам функционирования среди этой категории выявляются рабы, занятые в муниципальных имениях, солидная группа рабов — муниципальных служащих, «доходные» рабы-ремесленники. Показано, что в IV—V вв. государство определенно защищало сохранившуюся городскую собственность на рабов; переход же муниципальных имуществ в руки государства (ярко — в первой половине IV в.), по мнению автора, надо оценивать не через противопоставление государственного и городского производства, а через генетическую связь и преемственность первого со вторым. Таким образом, государственное рабовладение может оцениваться «как своего рода трансформированное муниципальное наследие городского рабовладения» (с. 65). В результате вырисовывается интересная картина наличия солидного веса рабского труда в муниципальной сфере до конца V в. и в государственных мастерских до Юстиниана включительно (в отношении последних данные весьма репрезентативны). В результате Г. Е. Лебедева четко выделяет два этапа упадка собственности плетеев на рабов в IV—V вв.: первый этап приходится на IV в. и связан с конфискацией муниципальных имуществ (хотя отошедшие государству рабы по-прежнему эксплуатируются через муниципальную организацию), второй — на V в. и связан с обеднением городской общины, чьи рабы отходят частным лицам и корпорациям. Канун VI в. — рубеж «глубокого и реально значимого упадка коллективного античного плетеевого рабовладения» (с. 67).

Главный вывод Г. Е. Лебедевой об эволюции рабства IV—VI вв. заключа-